

ТОГДА

Если бы меня спросили об этом, прежде чем все изменилось, я бы сказала, что была частью их семьи. Что Коэны стали моей плотью и кровью, не уступая по важности клеткам моего собственного тела. И дело не в том, что я ничего не понимала в генетике, как считал мой учитель по биологии мистер Уотерс. Просто все, что имеет значение в жизни, было для нас общим: прошлое, воспоминания, тайны и время.

Поэтому тем вечером, когда мы сидели за столом и ждали, пока Мэл расскажет нам свои новости, мне даже и в голову не могло прийти, что я могла быть не с ними, а где-то еще. Стояло лето, и озеро поблескивало, а мой собственный дом находился на другом конце города.

Я сидела на своем месте — рядом с Люком, напротив Роузны. Я занимала его с тех самых пор, когда нам с Роузной было по семь лет и мы познакомились в теннисном лагере, тут же став лучшими друзьями.

— Передай мне салат. — Наоми, лучшая подруга Мэл, сидевшая справа, похлопала меня по запястью, чтобы я обратила на нее внимание.

Мэл вернулась домой из больницы меньше часа назад. Мы тут же завалили ее вопросами, но она не ответила ни на один, незамедлительно заявив, что

нам нужно «хорошенько поужинать». Она сказала, что мы обсудим все после еды. Мэл никогда не отходила ко мне, Люку и Ро как к маленьким детям, и это была одна из черт, которые я так в ней любила. Она всегда рассказывала нам правду и разговаривала с нами так, как будто разницы в возрасте не существовало. По этой причине сейчас ее поведение заставляло нас нервничать еще сильнее. Она смеялась и болтала с Наоми, как будто это был совершенно обычный день, как будто все было в порядке. Но я догадывалась, что это невозможно.

Если бы врачи сообщили ей хорошие новости, она бы сразу же так нам и сказала.

Мэл должна была понимать, что, откладывая этот разговор, заставляет нас прийти к единственному выводу: она больна.

Причем больна не такой болезнью, которая проходит после нескольких дней, проведенных в кровати в компании грелки, куриного супа с лапшой и сериалов.

От этой мысли у меня на сердце заскребли кошки.

— Мне нужно несколько подопытных кроликов, чтобы опробовать новый рецепт кексов для пекарни, — сказала Мэл, пытаясь вовлечь нас в разговор, но Ро не ответил, продолжая остервенело жевать и яростно скрести вилкой по тарелке. Никогда не думала, что существует такое понятие, как «злобно ужинать», но именно это он сейчас и делал. Видимо, он терял терпение быстрее, чем я, и это промедление давалось ему с трудом.

Сидевший рядом со мной Люк смотрел в тарелку и передвигал ее содержимое из стороны в сторону, но ничего толком не ел. Собака Коэнов Сидни, никог-

да не упускавшая возможности подкрепиться, чинно восседала неподалеку от Люка. Я заметила, как он незаметно протягивает ей кусочек морковки, думая, что никто этого не видит. Раньше такое зрелище заставило бы меня улыбнуться, но сейчас Люк выглядел таким несчастным, что мне хотелось плакать.

Мэл как будто ничего этого не видела и как ни в чем не бывало рассказывала о новых сырных кексах. Ее хриловатый голос звучал так же спокойно, как и всегда.

Она разговаривает так же, как поет Билли Холлидей.

Я записала эти слова в своем дневнике много лет назад, вернувшись после очередного дня у Коэнов — мы с Мэл провели его, сидя в гостиной и слушая старый джаз, который она так любила. Вокруг этой фразы я нарисовала много маленьких сердечек. Если честно, большую часть времени я сама не знала, кого люблю больше: Мэл или ее сыновей. Я была немножко влюблена во всех троих — в каждого чуть-чуть по-разному.

— Джесси. — Голос Ро внезапно прорезался сквозь мои мысли. — Можно тебя на секунду? Мне нужна помощь на кухне.

Эти слова прозвучали резковато, но я встала и вышла из столовой вслед за ним. Я размышляла: пришел ли он к тому же выводу, что и я? Опасался ли, что все очень-очень плохо? Как только мы оказались на кухне, я не выдержала и обняла его. Он прижал меня к себе и легонько похлопал по спине, как будто это *он* меня утешал.

Когда он наконец меня отпустил, его голос звучал не громче шепота:

— Тебе нужно уйти.

Я застыла на месте, а потом сделала шаг назад.

— Куда уйти?

Он опустил руки и, не отводя взгляда от пола, почти раздраженно произнес:

— Домой.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять смысл его слов.

Домой. То есть *к себе* домой.

— Что? Зачем? — спросила я.

— Потому что тебе не нужно тут быть.

Я рассмеялась, но в следующее мгновение осознала, что Роуэн не улыбается.

— Ты что, Ро? Я ни за что не уйду домой, пока Мэл не расскажет...

Он перебил меня на полуслове.

— Господи, Джесси! Ты думаешь, что здесь *живешь*? — Он буквально выплюнул эти слова. — Это не так. Вся эта фигня — наше семейное дело.

Я лишилась дара речи. Я знала Коэнов уже десять лет. Я проводила у них каждый день рождения, каждый День благодарения и каждое Рождество. Я была с ними, когда умер их старенький кокер-спаниель Базз, — нам с Ро было тогда по девять лет. А через несколько недель, когда Мэл принесла домой дрожащего щенка лабрадора, я первой заглянула в коробку. Я помогла им выбрать для него имя — Сидни. Я была с ними в тот день, когда доктор Коэн собрал чемоданы, сел в свой внедорожник и уехал навсегда. Ни один из Коэнов никогда — ни единого раза — не намекнул, что мое место где-то еще, а не рядом с ними.

— Ты серьезно? — выдавила я тонким голосом.

Ро кивнул, не разжимая решительно стиснутых челюстей. Он дернул рукой, как будто хотел провести ею по волосам, и только потом вспомнил, что в начале лета постригся почти под ноль.

— Роуэн, я не понимаю тебя, — проговорила я. Негодование, пылавшее внутри меня, потихоньку уступало место обиде. У меня перехватило дыхание, словно во время сражения кто-то ударил меня между ребрами чем-то острым и смертельно опасным. Неужели я совершила какую-то ошибку? Нет, наверняка Ро просто сорвался из-за всего, что происходит с его мамой. Ведь так?

— Тут нечего понимать, — чуть слышно произнес он. — Просто... представь, что на ее месте твоя мама.

Он вышел из кухни, оставив меня ошарашенно стоять в одиночестве. Его последние слова оказались самыми жестокими.

«Представь, что на ее месте твоя мама».

Черт, он что, издевается?

Мне не нужно было ничего представлять. Тот факт, что меня родила не Мэл, ничуть не убавлял моей любви к ней. Совершенно необязательно быть долговязым идиотом по имени Роуэн Коэн, чтобы содрогаться от одной только мысли о мире без Мэл.

Я выбежала из кухни и, вернувшись в столовую, опустила на свое место. Сидевшая рядом Наоми наливала воду в стакан. Я украдкой бросила взгляд на нее, на ее короткие светлые волосы, уложенные в модную прическу. Они с Мэл дружили уже двадцать лет. Ей не было необходимости сдавать тест на родство, чтобы ее не выгоняли из дома Коэнов. Кем себя возомнил этот дурацкий Роуэн?

Я взяла миску с пастой и принялась накладывать себе добавку, чувствуя, как яростный взгляд Ро отскакивает от моего затылка. Тем не менее я не останавливалась, пока на тарелке не оказалось столько еды, что хватило бы на двоих.

— Паста очень вкусная. Спасибо, Мэл, — сказала я.

Следующие пять минут я ела молча, а Наоми и Мэл продолжали болтать о разных мелочах.

Когда я снова почувствовала на себе взгляд Роуэна, то подняла на него глаза, ожидая, что он будет смотреть на меня с тем же раздражением, что и последние пять минут. Но в них была какая-то другая эмоция, которую я не могла до конца понять. Нечто, похожее на отчаяние.

И на немую мольбу.

Его глаза молили меня уйти.

Я бросила ему в ответ свой собственный взгляд в надежде, что тот передаст обиду и злость, которые кипели во мне из-за слов, сказанных Роуэном на кухне. *Поверить не могу, что ты попросил меня уйти.*

А потом он опустил взгляд, как будто больше не мог смотреть мне в глаза.

Я совершенно его не понимала. Ему что, было стыдно? Я не видела в этом никакого смысла — чего ему стыдиться? Речь шла о Мэл; все это никак не касалось лично его.

Я продолжала сверлить взглядом опущенную голову Ро, заклиная его посмотреть на меня. В нашем безмолвном разговоре еще не была поставлена точка. Но он упорно не отрывал глаз от стола, и я вдруг поняла, что вся его злость, вся дерзость, все *Роуэнство* бесследно исчезли. Он казался просто... печальным.

И было в нем что-то еще, чего я не могла объяснить.

Черт.

Я могла бы справиться с Роуэном, если бы он давил на меня и причинял боль из-за того, что с его мамой случилась беда и он хотел выместить свое горе на ком-то другом. Но дело было не в этом.

Я никак не могла понять, что происходит. Я никогда не видела Ро таким. Он словно отчаянно молил меня совершить этот поступок ради него.

Уйти домой.

Мне хотелось остаться, заставив его объясниться со мной, и выслушать то, что Мэл собиралась сказать после ужина, но Роуэн снова и снова отводил от меня свой печальный взгляд.

Пока я наконец не отодвинула тарелку и не встала из-за стола, словно наблюдая за собой со стороны.

— Ой, господи, — проговорила я. — Мэл, прости, пожалуйста. Я только что вспомнила, что мне нужно закончить очень сложный проект... а еще завтра контрольная... Папа убьет меня, если я ее завалю.

Мой рот продолжал что-то бормотать, извергая одну отговорку за другой.

Закончив, я даже не могла вспомнить все, что сказала.

Пока я собиралась, я знала только, что Ро все так же не смотрит мне в глаза, а Люк, наоборот, не спускает с меня озадаченного взгляда.

Я помню чувство, охватившее меня тогда. Я ощущала, что совершаю ошибку, что все должно происходить совершенно иначе. Мэл не должна болеть. Но раз так получилось, я должна остаться в доме Коэнов и дожидаться конца ужина. Я должна пройти в гости-

ную и, сев между Люком и Ро на слегка покосившийся диван, выслушать новости Мэл. А потом мы с Ро должны оказаться в темном сарае на заднем дворе — в том месте, куда мы всегда ходили собраться с мыслями, когда происходило что-то серьезное. Должны прислониться спинами к металлическим стенам, шепча друг другу искренние слова, слишком тяжелые для ясного июльского вечера. Мы бы разговаривали, плакали и страдали, и это было бы ужасно, но мы бы делали это вместе. Потому что мы — семья, а семьи именно так и поступают.

Я помню, как обняла Мэл, села на велик и поехала домой. Всю дорогу по моим щекам текли слезы, потому что я не могла избавиться от чувства, что двигаюсь в неправильном направлении.

Даже не понимая, почему это делаю.

ТОГДА

В итоге мне обо всем рассказала мама.

Стоило мне добраться до дома, я взлетела по лестнице, перепрыгивая каждую вторую ступеньку, и заглянула в спальню родителей. Я знала: если мама не на работе, она будет там.

Слезы застилали мне глаза, но я увидела ее сразу же.

Она лежала на кровати, свернувшись калачиком. Сквозь задернутые шторы проникал одинокий луч света, едва освещавший контуры ее тела.

Я тихонько подошла к ней и положила руку туда, где, как мне казалось, находилось ее плечо. В течение

семнадцать лет я старалась не беспокоить ее, когда ей хотелось побыть одной, но этот вечер стал исключением. Этим вечером она была мне нужна, и впервые Мэл не могла ее заменить.

— Мама, — сказала я неподвижному бугорку под одеялом.

Она откинула одеяло с головы и взглянула на меня, щурясь так, словно смотрит на солнце в безоблачный день.

— Что случилось? — спросила она.

— Мэл ходила в больницу. Можешь позвонить ей и узнать, что ей сказали?

Она несколько раз моргнула, вероятно, задаваясь вопросом, почему я не могу позвонить Мэл сама или где я была, если вернулась домой не от Коэнов.

— Ладно, — наконец проговорила она, медленно приподнимаясь, чтобы сесть.

Я схватила со столика телефон и протянула его маме.

Когда она его брала, ее пальцы коснулись моих, и я подумала: как чьи-то руки могут быть такими холодными в середине лета?

— Мелани, привет!

Мамин голос звучал бодро и беззаботно, как будто это не она лежала в темной комнате — вероятно, много часов подряд.

— Да, я тоже. Хотела поздравить тебя с тем, что Люк окончил школу!

Я сидела в изножье кровати, прижав колени к груди, и слушала мамины реплики. Слушала, как она смеется и шутит в ответ. Этот трюк давался ей не всегда, но иногда она могла ненадолго притвориться, что с ней все хорошо. У мамы каким-то чу-